

Стахеев Дмитрий Иванович

Собрание сочинений

Том 7

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Д53

Д53 **Дмитрий Иванович С.**
Собрание сочинений: Том 7 / Стахеев Дмитрий Иванович – М.: Книга по Требованию,
2023. – 299 с.

ISBN 978-5-519-75381-4

ISBN 978-5-519-75381-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

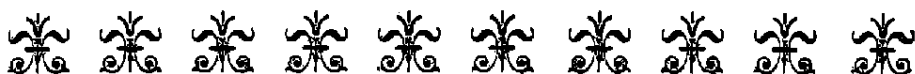
Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ГОРЫ ЗОЛОТА

РОМАНЪ

I.

Сѣрое однотонное небо. Не видно звѣздъ, вмѣсто мѣсяца какое-то тусклое пятно. По временамъ вокругъ него обрисовываются какія-то формы — не то облака плывутъ, сгущаясь и разсѣиваясь, не то фуріи какія-то, въ длинныхъ сѣрыхъ одеждахъ, кружатся въ лунномъ свѣтѣ зимней ночи. Тащится по улицѣ, плетясь нога за ногу, бѣдная шершавая лошаденка въ оборванныхъ санишкахъ, извозчикъ, пригородный крестьянинъ, похлопывая рукавицами, уныло оглядываетъ обѣ стороны панелей, въ тщетномъ ожиданіи сѣдока. Кое-гдѣ около панелей попадаютъ тоже ободранныя санишки, и въ нихъ, прикрывшись полостью, ютятся извозчики, побѣжденные сномъ. Въ такой поздній часъ зимней ночи движеніе на петербургскихъ улицахъ почти прекращается и на нѣкоторое время какъ бы замираетъ; панели, по которымъ цѣлый день снуютъ народъ, пустѣютъ и кажутся шире, чѣмъ днемъ. Всюду дѣлается тихо и пустынно, только изрѣдка кое-гдѣ промелькнетъ какая-нибудь одинокая фигура запоздавшего пѣшехода, большею частію не твердо держащагося на ногахъ, или вдругъ промчится, пересѣкая улицу, точно спасаясь отъ погони, отчаянная тройка въ широкихъ фигурныхъ санихъ. Дребезжащій звонъ и шумъ бубенчиковъ и пьяныя вскрикиванья сѣдоковъ, дико размахивающихъ руками, нарушать ночную тишину, и снова все затихнетъ.

Въ такое позднее время, вѣриѣе сказать—въ ранній часъ утра въ небольшой квартирѣ большого дома сидѣлъ за письменнымъ столомъ человекъ среднихъ лѣтъ, средняго роста, узкоплечій и тощій. Его фигура, склонившаяся надъ бумагами, имѣла въ общемъ странное выраженіе,—было въ ней что-то комическое, казалось, птица какая-то закуталась въ несвойственные ей одежды, и въ то же время что-то добродушное.

По временамъ онъ оставлялъ работу, снималъ съ ногъ шерстяной пледъ, которыми закутывалъ ихъ во время сидѣнья, и потомъ, запахнувъ полы шелкового халата на ватѣ, подходилъ къ окну и подолгу смотрѣлъ на улицу. По задумчивому выраженію лица его можно было судить, что онъ не видитъ ни улицы, ни домовъ, и весь погруженъ въ какія-то думы. Вѣроятно, онѣ были сложнаго содержанія, такъ какъ время отъ времени онъ прикладывалъ руку ко лбу и закрывалъ глаза, очевидно, что-то обдумывая, потомъ, открывъ ихъ, всматривался въ потолокъ съ такимъ вниманіемъ, точно тамъ Богъ вѣсть какія тайны ему открывались. На столѣ подъ зеленымъ абажуромъ горѣло четыре свѣчи, свѣтъ отъ которыхъ падалъ только на лежащія на столѣ бумаги, а все остальное было въ тѣни.

Отъ окна онъ вновь перешелъ къ столу, закуталъ ноги пледомъ и опять принялся за работу, писалъ, подсчитывалъ какія-то цифры, бралъ со стола книги и подолгу перелистывалъ ихъ, отыскивая пужныя ему мѣста. Изъ сосѣдней комнаты слышался равномерный стукъ стѣнныхъ часовъ, при боѣ которыхъ онъ почему-то каждый разъ клалъ перо на столъ, откидывался къ спинкѣ кресла и громко произносилъ:

— О-го! Однако!..

Около него лежали карманные золотые часы, и тоже было слышно, какъ они постукиваютъ часто и скоро, точно куда-то торопятся; но стука ихъ онъ не слышалъ и, занятый своимъ дѣломъ, не обращалъ на ихъ циферблатъ никакого вниманія. На колокольнѣ сосѣдней церкви зазвонили къ заутренѣ. Онъ вздро-

гнулъ, испуганный первым ударомъ, и на нѣкоторое время оставилъ работу, потомъ, послѣ двухъ-трехъ попытокъ снова заняться ею, швырнулъ съ ногъ пледъ и сталъ укладываться спать, но долго не могъ заснуть, ворочался съ боку на бокъ, пряталъ голову въ подушку и посылалъ проклятія по адресу ни въ чемъ неповиннаго звоняра.

— Не я буду, если весной не переѣмлю квартиры!..

II.

Въ разгоряченной головѣ его мелькали одна за одной разрозненныя мысли, повидимому, не имѣвшія между собой ничего общаго. Вспомнилась какая-то фраза изъ той работы, за которою онъ провелъ эту ночь и которая теперь показалась ему совершенно неумѣстной. Промелькнула въ воображеніи крупная фигура высокой барыни съ сѣдыми полосами и черными глазами; за нею слѣдомъ другая—молодой женщины. При мысли о нихъ онъ тревожно охватилъ обѣими руками голову и такъ тяжело со стономъ вздохнулъ, точно на грудь ему навалилась въ это время непомѣрная тяжесть. Молодая женщина, какъ будто плакала и точно просила о чемъ-то свою сѣдую спутницу, умолиюще простирая къ ней руки. Спутница, напротивъ, имѣла строгій видъ, голову держала высоко, и черныя брови ея были мрачно нахмурены. Эти двѣ фигуры, промелькнувшія въ его воображеніи, сначала какъ будто неясными, тусклыми и едва замѣтными призраками, стали обрисовываться все яснѣе и яснѣе, несмотря на то, что онъ не только закрылъ лицо руками, но даже запыталъ потомъ его въ подушки.

— Ахъ, Боже милосердный! какая нелѣпость мнѣ мерещится,—заропталъ онъ, нервно ворочаясь на своемъ ложѣ, — эта старая колдунья покоя мнѣ не даетъ. И все зло, самый-то корень его, именно въ ней. Подумаешь, чего бы, кажется, лучше: дочь вы-

дала замужъ, мужъ давно умеръ и пенсію хорошую оставилъ, о долгахъ и помину нѣтъ, — счастливѣйшее положеніе: сиди себѣ спокойно въ своемъ углу и жди кончины. Такъ нѣтъ, не сидится, — дочь нужно смущать, носъ свой нужно совать въ дѣла зятя, отношенія его къ дочери портить. О, женщины! Не даромъ великій Шекспиръ сказалъ... Да и то надо добавить, Антонина Александровна тоже хороша: виситъ на шеѣ у матери, держится за ея хвостъ. Къ чему это? Помоему, если вышла замужъ, держись за мужа и — только за мужа. Сказано: «Жена да бонтсѣ»... Ну, повздорили, ну, вышло кое-что... даже хотя бы и съ нѣкоторыми съ моей стороны увлеченіями, — что за важность? Все на этомъ свѣтѣ преходище, и самый человекъ, говорится, «яко трава»... Такъ нѣтъ, извольте видѣть — сейчасъ къ мамашѣ. Не будь этого вышательства тещи, все бы обошлось тихо, смирно, а теперь — скорбь и слезы, и ропотъ... И главное — все это ужасно не во-время...

Въ воображеніи его обрисовались новыя фигуры. Появился какой-то подозрительнаго вида усатый господинъ изъ венгерскѣ, ежеминутно закручивавшій усы и любовавшійся на себя въ зеркало; потомъ — деревня какая-то, мужики, сѣдые, русые, рыжіе, скуластые и загорѣлые, старые и молодые, и всѣ почему-то около каменныхъ стѣнъ чьей-то фабрики, изъ высокой трубы которой валилъ густой дымъ; мужиковъ смѣнилъ — еврей, старый, вкрадчивый и ласковый, говорившій съ какими-то особыми ужимочками и улыбочками; вспомнилась потомъ контора нотаріуса, переговоры съ нимъ въ отдаленной комнатѣ, причемъ на лицѣ его попеременно появлялось выраженіе то недоумѣнія, то удовольствія, то какъ будто страха, и глаза его озабоченно бѣгали при этомъ по перелистываемымъ имъ страницамъ свода законовъ и пугливо косились въ ту сторону, гдѣ сидѣли, уткнувшись въ бумаги, его помощники.

— М-м... да-а!... — вновь какъ будто слышалось

ему заключительное слово нотариуса,—съ осторожностію можно... Съ осторожностію и обдуманно все можно... Хе, хе, хе!..

Медленные удары церковного колокола прекратились, раздался звонъ во всё.

— Святители! Шестой часъ!..

Онъ поспѣшно всталъ, взявъ съ комода часы съ будильникомъ и поставилъ ихъ на стулъ у изголовья своего ложа. Чрезъ дверь, выходившую изъ кабинета въ корридоръ, слышалось мѣрное храпѣніе слуги.

— Счастливецъ, чортъ бы его побралъ!..

Когда будильникъ въ назначенное время затрещалъ на всю квартиру, онъ съ ожесточеніемъ схватилъ его и сунулъ подъ подушку, намѣреваясь опять лечь, но вспомнилъ, что ему крайне необходимо въ десять часовъ куда-то ѣхать—и закричалъ:

— Эй, Александръ! Гдѣ ты тамъ? Умываться!..

III.

Въ то время, когда лакей подавалъ ему умываться, и потомъ, одѣваясь, онъ ни на минуту не могъ отдѣлаться отъ думъ. Въ однихъ туфляхъ, безъ жилета, перекинувъ полотенце черезъ плечо, онъ бѣгалъ по комнатѣ, останавливаясь у зеркала и рассматривая съ необыкновенною озабоченностію свое лицо, то хватался за пачки казенныхъ бумагъ, грудami лежавшихъ на его письменномъ столѣ, и въ припадкѣ раздражительности швырялъ ихъ съ одного мѣста на другое. Всего болѣе его бѣсило именно то обстоятельство, что неприятная и обидная исторія съ женой случилась въ такое время, когда ему было вовсе не до нея. Онъ совершенно былъ увѣренъ, что, случись эта исторія въ другое время,—ему бы ничего не стоило съ ней справиться, нужды нѣтъ, что теща его—такая самостоятельная и неуступчивая женщина.

— Какъ онѣ, эти удивительныя созданія, женщины, смотрятъ на жизнь,—думалъ онъ, снова останавливаясь

передъ зеркаломъ, — мнѣ кажется, что легкомысленнѣе ихъ нѣтъ созданій въ Божьемъ мірѣ. Что это у меня опять будто прыщикъ намѣревается сѣсть на носъ?.. Чортъ знаетъ, что это за гадость. Это отъ огорченій... и ужасно безобразитъ лицо, придаетъ ему странное, даже, можно сказать, непріятное выраженіе. Терпѣть не могу!.. Господи! Какой вздоръ въ голову лѣзетъ! Ну, можно ли теперь объ этомъ думать! ахъ! ахъ! Что за напасть такая! — заропталъ онъ, опять хватаясь за бумаги. — И все — изъ-за этихъ дурацкихъ писемъ. Чортъ ихъ подсунулъ имъ подъ руки, несомнѣнно чортъ. Никто другой на такую низость не рѣшится. И я-то, однако-же, какъ недогадливъ. Боже мой! Ну для чего я ихъ сохранялъ? Давнымъ давно нужно было разорвать въ мелкіе клочки, сжечь, — словомъ, уничтожить такъ, чтобы никакихъ слѣдовъ отъ нихъ не осталось. Но вотъ вопросъ, — зачѣмъ я ихъ выложилъ на письменный столъ, какъ и когда это могло случиться? Нужно думать, что я самъ ихъ выложилъ и, вѣроятно, въ такое время, когда былъ крайне озабоченъ какими-нибудь сложными соображеніями. Не могла же Антонина Александровна рыться въ ящикахъ моего письменнаго стола, — они всегда заперты. А можетъ быть, ключи подобрала? О, нѣтъ, нѣтъ! Не такая она! А мамаша ея, достопочтеннѣйшая моя теща? О—о! Разумѣется, отъ нея всего можно ожидать. Она въ душу мою готова забраться, въ самыя сокровенныя ея глубины проникнуть и безцеремонно тамъ по-своему похозяйничать. Нѣтъ, сударыня, этому не бывать!.. И опять-таки глупость какая во всемъ этомъ. Ну, что такое — письмо, даже и не письмо, а такъ, записочки и крошечнаго при томъ содержанія? Сущій вздоръ! Теперь отъ всей этой глупой переписки и слѣда не осталось. Барышня-то чуть ли уже и замужъ не вышла. Кажется, вышла или, по крайней мѣрѣ, выходитъ. Стоило изъ-за такихъ мелочей поднимать бурю... Ахъ! ахъ!.. Александръ! Эй, гдѣ ты тамъ запропалъ?

— Я чай готовлю... Сейчас подамъ...

— Къ чорту все! Давай пальто!

Въ это утро, подобно тому, какъ и наканунѣ и третьяго дня, онъ ужасно спѣшилъ съ дѣлами. На этотъ разъ онъ помчался куда-то по набережной Фонтанки за Измайловскій мостъ, въ ту именно сторону, гдѣ жилъ нѣкій сѣдовласый еврей, съ которымъ онъ имѣлъ денежныя дѣла.

Еврей жилъ во дворѣ, ходъ къ нему былъ по черной лѣстницѣ. Какіе-то боченки и кадушки стояли на площадкѣ около дверей его квартиры и издавали удручивающій запахъ. Онъ каждый разъ мысленно посылалъ его къ чертямъ за эту лѣстницу.

— Большія средства имѣеть, а живетъ по-свински.

Еврей, одѣтый во что-то длиннополое и поношеное, встрѣтилъ его пытливымъ взглядомъ чрезъ очки.

— А!.. И это вы, гашишдишъ Артамоновъ, а я думалъ, зовонится другаго человѣка...

— Я, какъ видите,—отвѣтилъ Николай Константиновичъ и, не говоря больше ни слова, передалъ ему вексельный листъ, заранѣе дома приготовленный.

— Опять? И такого большого сумма? Ай-ай!..

— Пятсотъ рублей большая развѣ сумма?

— А съ прежними? вкрадчиво спросилъ старикъ.

— Пожалуйста, безъ ужимочекъ этихъ.—Терпѣть не могу!.. Или дайте, или нѣтъ. Не хотите—завтра я съ вами покончу счеты и войду въ соглашеніе съ другими...

— И зачѣмъ такъ гнѣваться? Ай-ай! Зачѣмъ съ другими? Я только... немножко соображался... Живните...

Онъ озабоченно посмотрѣлъ на подпись Николая Константиновича подъ векселемъ и вздохнулъ, посмотрѣлъ на обратную сторону векселя и опять вздохнулъ.

— Однако, поскорѣе. Миѣ некогда...

— Ахъ! И зачѣмъ вы такъ всегда спѣшите?.. Ай-ай, вы очень горячаго кровь.

Черезъ нѣсколько времени онъ вынесъ изъ сосѣдней комнаты, такой же низкой и маленькой, какъ та, въ которой сидѣлъ Артамоновъ, нѣсколько пачекъ мелкихъ кредитныхъ билетовъ и передалъ ему.

— Жвините. Крупныхъ нѣтъ.

Николай Константиновичъ положилъ ихъ около себя на клеенчатый диванъ, на которомъ сидѣлъ, и сталъ пересчитывать. Еврей стоялъ тутъ же и задумчиво черезъ очки смотрѣлъ на бумажки. Когда Николай Константиновичъ сосчиталъ послѣднюю пачку и поднялся съ дивана, собираясь уходить, онъ вздохнулъ и какъ-то особенно грустно сказалъ: «до свиданію вамъ», точно слова эти относились къ тѣмъ деньгамъ, которыя онъ отдалъ Николаю Константиновичу.

— Сколько я ему, однако, долженъ, — припоминалъ Артамоновъ, разставшись съ нимъ, — кажется, три тысячи?.. Нѣтъ, нѣтъ! какія три? — больше. Двѣ бралъ тогда... да потомъ одну... да потомъ, два раза по пятисотъ рублей, чуть-ли не три раза... Рѣшительно не помню, — вотъ хоть убей меня... Въ ноябрѣ еще бралъ... тысячу, кажется, или пятсотъ?.. Потомъ въ декабрѣ... Нѣтъ, въ декабрѣ не у него... Впрочемъ, что считать! Отъ этого долгъ меньше не сдѣлается... Это только разстраиваетъ. Вотъ, Богъ дастъ, сразу всѣ эти мелкіе займы погашу, только бы поскорѣе покончить хлопоты съ формальностями... Какъ отвратительны эти извозчики. Непремѣнно заведу собственныхъ лошадей и экипажъ на резинахъ. Да поѣзжай ты, сонный тюлень, поживѣ! крикнулъ онъ на извозчика.

Извозчикъ лѣниво передернулъ возжами и, повернувшись къ нему въ полъ-оборота, сказалъ:

— Ъду, баринъ, кажется, на совѣсть!

IV.

Иногда далеко за полночь въ передней [его квартиры сидѣлъ, въ ожиданіи его возвращенія, департа-